

О.И. Пушкина

Брак как критерий оценки женского успеха и модели его достижения в сказках ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Каждый человек с момента рождения включается в общественную жизнь, усваивает социальный опыт, знания, ценности и нормы поведения, выработанные предыдущими поколениями. Этот процесс начинается с детства и продолжается всю жизнь. Однако волею обстоятельств человек оказывается погруженным в тот или иной культурный контекст, из которого и черпает знания об отличительных особенностях окружающего мира. Именно культурный контекст является определяющим для усвоения человеком гендерных ролей и моделей, которые приобретаются с самого раннего возраста. Уже в самом раннем детстве человек знакомится с культурным наследием своего народа посредством сказок. В наше время слишком малое внимание уделяется изучению влияния сказок на человека, что в корне неверно. Сказки являются носителями и передатчиками культурных стереотипов, выработанных рядом поколений. Их отражением являются имена главных героев, словесное оформление мотивации их поступков, язык сказки. В сказках нашли отражение традиционные модели поведения человека, сопровождавшие его в процессе социализации. Их исследование может способствовать более полному пониманию многих явлений современности. Зафиксированные в сказках нормы и правила позволяли избегать ошибок и создавать модели правильного, «успешного» поведения. Интерес представляет анализ моделей достижения успеха женскими персонажами восточнославянских сказок.

Практически все волшебные сказки заканчиваются свадьбой, которую принято расценивать как наивысшее достижение успеха. В современном обществе традиционно «успешность» либо «не-успешность» женщины продолжает анализироваться с точки зрения ее семейного положения: замужем она или нет. Такой критерий оценки женского успеха присутствует уже в сказке. В данном случае женские модели достижения успешности можно разделить на активные и пассивные.

Прежде чем начать анализировать эти модели, следует обратить внимание на некоторые особенности женских и девичьих персонажей. В восточнославянских сказках героиня не может быть изучена как самостоятельная личность. В них даже не дается описание ее внешности. На протяжении длительного времени так и не был выработан даже примитивный канон женской красоты, как, например, в сказках «Тысячи и одной ночи». В лучшем случае о красоте героини говорится «красна девица», «ненаглядная краса», «ни в сказке сказать, ни пером описать». Можно предположить, что внешние признаки героини не являлись определяющими. Более пристальное внимание уделялось ее действиям. Следует отметить, что в сказках, где подчеркивалась красота героини, не встречалось упоминания об их умственных способностях. О личных качествах героини мы узнаем опосредованно, через восприятие ее героем, а также через их взаимоотношения. Чаще всего уже при первом знакомстве с героиней мы узнаем о ее мудрости. В сказках она нередко наделяется эпитетом «премудрая». «По мере развития интриги мудрость героини проявляется не сама по себе, а служит глав-

ным аргументом в ее отношениях с мужскими персонажами, чаще всего – с главным героем... всякий раз мы получаем представление о женской мудрости через мужское восприятие» [1]. В иных случаях женские персонажи обладают различными атрибутами премудрости – волшебной книгой, волшебными предметами и помощниками. Эти признаки в сказках часто сочетаются. Следует отметить, что бинарность, характерная как для славянской сказки, так и для славянской мифологии в целом, проявляется именно в противопоставлении ума и глупости. Яркой иллюстрацией этого являются образ «мудрой девы/жены» и мужской образ «дурака».

Активные героини в сказках по сравнению не только с героем, но и другими женскими персонажами очень часто выделяются своим происхождением (невеста-царевна) или именем (Василиса в переводе означает «царица», Марфа – «владычица»). Уже в начале сказки такая героиня стимулирует поступки героя, является для него направляющей силой. Прежде, чем вступить в брак, она испытывает жениха, задавая «трудные задачи». Иногда невеста-царевна изображается богатыркой, воительницей, и испытание жениха может принять формы открытого состязания с героем. Однако весьма распространенным является сюжет, когда героя испытывает отец невесты. В данной ситуации вся женская активность направлена на оказание всяческой помощи своему жениху. Он жалуется на невыполнимость задачи, даже не предприняв никаких попыток к ее разрешению. Одновременно трудная задача вызывает в герое «черную удаль»: «Двум смертям не бывать, а одной не миновать». И, только благодаря помощи невесты, жених достигает успеха. Часто активная модель поведения женских персонажей в сказках стимулирует пассивность героя. И такой стиль поведения часто поощряет сама героиня, говоря ему: «Ложись спать – утро вечера мудренее». Во время сна героя невеста обращается за советом к волшебным книгам и предметам, отдает приказания своим помощникам. В итоге героиня, выполнив трудную задачу вместо своего жениха, становится его законной супругой. Такая модель достижения успеха в восточнославянских сказках широко распространена.

Яркой иллюстрацией женской активной модели являются сказки о Царевне-лягушке. Царь, желая женить своих сыновей, дает каждому по стреле: «Куда стрела упадет – там и невесту ищите». Стрела является фаллическим символом. Однако, «отстрелявшись», сыновья норовят забрать стрелы у своих невест, не желая связывать себя узами брака. И только благодаря настойчивости девушек царевичи не нарушают данное царю-батюшке слово. Следует отметить, что в сказках негативное развитие событий происходит из-за преднамеренного или случайного нарушения мужскими персонажами норм и обязательств. Отсутствие волевых, деятельных импульсов у героев в русской сказке напоминает, по мнению В.И. Мильдона, психологию ребенка, которого надо направлять, за которым надо следить [2]. Иногда этот ребенок, забывшись, не удержавшись, нарушает наставления и запреты. И это происходит потому, что в данный момент рядом не было женщины. Своеволие как проявление активности мужчиной служит причиной бед. Герой, подобно ребенку, сонлив, доверчив, не может предвидеть следующий шаг, причем вне зависимости от возраста. Именно в сказках восточных славян женщина является талисманом-оберегом для мужчины вне зависимости от того, кем она ему приходится: невестой, женой, сестрой или матерью. Стремясь оберегать и контролировать действия мужчины, героиня часто теряет свою свободу. Она начинает проживать его жизнь вместо своей, воспринимая его заботы и проблемы, как свои собственные.

Еще одним примером проявления активности героинь в сказке является сюжет клеймения героя. Невеста метит жениха клеймом, чтобы в дальнейшем его опознать и выйти замуж. Такая линия развития является отголоском

архаических времен, когда при вступлении в род жены проводились обряды посвящения мужа. Подобные аналоги инициации и принятия в род до сих пор бытуют у народов, ведущих первобытный образ жизни.

В сказках наряду с активной моделью поведения для женских персонажей выработалась и пассивная модель. Как отмечает В.Н. Люсин, «с какого-то момента активный женский сценарий подвергся подавлению, «вытеснению». Сакральность женщины переосмысливается – отныне всякая женщина, отклоняющаяся от нормы, фигурирует в народных верованиях как ведьма» [3]. Такой трансформации подвергся один из наиболее активных женских персонажей – Баба-Яга. Многие детали сказок, повествующие о страшной Бабе-Яге, позволяют предположить, что изначально она воспринималась как богиня-прародительница, берегиня, повелительница мира и некогда считалась верховным божеством. В результате перехода от матриархата к патриархату, от потребляющего хозяйства к производящему, с приходом христианства образ языческой богини изменился, и она стала демоническим существом.

Постепенно формируется образец «хорошей девушки/женщины», для которой типичной становится пассивная модель поведения. Именно падчерица, находящаяся под гнетом мачехи и ее дочек, в конце сказки награждается мужем-царевичем. Следует обратить внимание на особенное отношение в сказках к младшей дочери или сестре. Именно на долю младшенькой выпадают самые тяжелые испытания. Психолог В. Мершавка считает, что именно она, а не старшие сестры, является воплощением трансформации женственности. Он также подчеркивает ее характерную символику «скрытой красоты», подобно кукле-матрешке, символизирующей бесконечный процесс раскрытия скрытой тайны, т.е. красоты русской женщины [1, с. 93–94].

Следует отметить, что мотив противодействия двух женщин в сказках весьма распространен. Очень часто главным врагом героини является именно другая женщина: мачеха, Баба-Яга, сестра и пр. Это может являться отражением сложившихся за долгое время социальных практик: соперничество женщин за одного мужчину в условиях патриархального многоженства. Однако во многих текстах наблюдается парадокс: активная женщина, обладающая большими знаниями, силой и властью, проигрывает пассивной, инфантильной женщине в борьбе за мужчину. Возможно, причина данного противоречия в том, что издавна понятия брака и смерти отождествлялись. Этнографы и фольклористы отмечают сходство между свадебными и похоронными обрядами у восточных славян. Яркой иллюстрацией этого является сохранившийся до наших дней древний ритуал так называемых «кукушкиных похорон». Перед свадьбой деревенские девушки удалялись в лес, пели печальные культовые песни, в которых говорилось о том, что брак будет бременем и тяжелой ношей. Кульминацией ритуала были похороны символической куклы, называемой «кукушкой». Ее либо хоронили в лесу, либо пускали по воде, украшенную венком. Являясь наследием древних культов, этот обряд – символический акт прощания с царством Великой Матери: ведь именно кукушка была наиболее древним религиозным синонимом Богини-Матери. Девушка перед вступлением в брак в образе куклы отдавала часть самой себя стихиям Великой Матери – Земле и Воде. Для сильной, самостоятельной женщины брак представляется как смерть женской индивидуальности и независимости. Падчерице, не знавшей свободы, нечего терять, и она не боится замужества. В патриархальном обществе брак для нее является символом достижения успеха. Получая в награду мужа из высшего сословия, падчерица тем самым повышает свой социальный статус. Таким образом, в сказке идеализируется пассивная модель женского поведения, а активный сценарий женского поведения постепенно уничижается.

Переход в сказках активной женской модели в пассивную можно проследить и на других примерах. Например, выдающийся русский исследователь сказок В.Я. Пропп, основываясь не на личных качествах героинь, а на ходе действия сказки, выделял два типа невест. Первый – тип кроткой невесты, которая была освобождена от змея героем-спасителем. Во втором случае героиня берется в жены насильно (похищается, берется против воли хитрецом, разгадавшем ее загадки, либо во сне). Здесь следует отметить, что ни в одном, ни во втором случае не обращается внимание на волеизъявление самой героини. В.Я. Пропп обращал внимание на двойственность невесты-царевны. С одной стороны, она – верная невеста, ожидает своего суженого и отказывает остальным женихам. С другой – «существо коварное, мстительное и злое, она всегда готова убить, утопить, искалечить, обокрасть своего жениха, и главная задача героя, дошедшего или почти дошедшего до ее обладания, – это укротить ее» [4]. Процесс укрощения заключался иногда и в использовании грубой мужской силы: жених прутьями хлестал свою избранницу. Как ни странно, но до сих пор сохранилось представление о побоях как одной из форм проявления любви. Достаточно часто можно услышать весьма неоднозначное высказывание: «Бьет, значит, любит», или еще более парадоксальное: «Не бьет, значит, не любит».

В сказках существует еще одна разновидность брака, когда невеста добровольно выходит замуж за «чудище лесное». В древние времена брак ассоциировался с жертвоприношением. Сказочные избранницы, приносимые в жертву дракону или морскому царю, отличались красотой и назывались невестами. Подобный сюжет был заимствован С. Аксаковым для сказки «Аленький цветочек». Сюжет данной сказки является зеркальным отражением западноевропейской сказки о Спящей красавице с переменной ролей. Современный исследователь русской сказки В.Н. Люсин отмечает, что «точно так же несчастные женщины устраивают себе «подвиг», десятилетиями нянчась с мужьями-алкоголиками... Подобные сценарии «спасения» чрезвычайно живучи и сами просятся в мазохистское сознание, шантажируя его возможностью исполнения мечты...» [3, с. 99].

Доминирование пассивной модели, утвердившейся в сказках и усвоенной в раннем детстве на подсознательном уровне, может проявляться и в дальнейшем. Представление о замужестве как показателе успешности может приводить к тому, что женщина будет готова заключить брак хоть со «зверем лесным», хоть «с чудом морским», надеясь с помощью своей любви сделать из него прекрасного принца, героя своей мечты. Прямое подражание активному женскому сценарию может приводить к тому, что женщина всеми силами будет оберегать своего героя, холить и лелеять его, выполняя вместо него «трудные задачи». Обе крайности не могут способствовать гармоничному развитию женской личности, а, следовательно, и ее успеху.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Мершавка В.** Кто же «она» такая... Психея или Василиса Прекрасная? // **Р.А. Джонсон.** Она. Глубинные аспекты женской психологии. – Харьков, 1996. – С. 112.
2. **Мильдон В.И.** Сказка – ложь... // Вопросы философии, 2001, № 5.
3. **Люсин В.Н.** Особость архетипов женского/девичьего успеха в русской сказке // Общественные науки и современность, 2000, № 4. – С. 95.
4. **Пропп В.Я.** Исторические корни волшебной сказки. – Л., 1986. – С. 298.

S U M M A R Y

The author has considered a marriage as criterion of an estimation of the woman's success and investigated models of its achievement in eastern-slavic fairy tales.

Поступила в редакцию 30.01.2004